

ЗМИЕВСКОЙ РЕГИОН СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ КАК ТЕРРИТОРИЯ ЭТНОГЕНЕЗА (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Коловрат Ю. А.

Период раннего средневековья является одним из важнейших в истории Змиевского края (современные Змиевской, части Чугуевского, Первомайского, Балаклейского, Шевченковского районов) Харьковской области Украины, и всего славянского мира, в целом. В указанное время здесь происходили настолько значительные этногенетические и этнокультурные процессы, что это предопределило во многом этническое лицо Восточной Европы развитого и позднего средневековья. Характерной чертой раннесредневековой истории Змиевщины является преемственное развитие археологических культур, а значит, и их носителей. Определяется довольно чёткая генетическая линия археологических культур края. Предшествовавшие культуры не исчезали, становясь субстратом новых культур. Географическое положение Змиевского края способствовало тому, что местное население с древнейших времён находилось в теснейшем общении с пришлыми народами. Будучи пограничьем Степи и Лесостепи, Змиевщина всегда была местом встречи двух миров: кочевого и осёдлого, земледельческого и скотоводческого, что приводило порою к возникновению новых этносов. Вполне можно предполагать, что на территории Змиевского края существовал и существует ряд факторов, которые способствуют процессу этногенеза. Сказанное делает настоящую статью актуальной.

Уникальность этногенетических и этнокультурных процессов определила цель данной работы – постановка вопроса о выделении в рамках Слободской Украины особого историко-этнографического Змиевского региона.

Теоретической основой работы является докторская

диссертация Л. Н. Гумилёва «Этногенез и биосфера Земли» [21], а также работы археологов, производящих исследования на территории Змиевского края [2; 3; 4; 5; 14; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 44; 45; 46; 47; 48; 49; 50; 51; 52; 53; 54; 59; 81].

Географические рамки работы условно соответствуют административным границам бывшего Змиевского уезда Харьковской губернии Российской империи [27] – относительно именно этой территории мы предполагаем существование особых этногенетических факторов. Хронологически работа охватывает период со вт. пол. VII–нач. VIII вв. по IX–X вв. Данные рамки определены временем возникновения новых археологических культур в регионе, что является по нашему мнению признаком зарождением здесь новых этносов.

Интенсивность контактов между народами возросла в эпоху Великого переселения народов. Этнополитическая ситуация в регионе кардинально изменилась с приходом сюда восточногерманских племён готов и гепидов, что нашло свое проявление в формировании «черняховской протоцивилизации полугосударственного типа» [60, с. 127] – Гетики, в состав которой вошли также сарматы [51, с. 134–136, 139; 62, с. 64–73].

Господство черняховцев сумели преодолеть гунны, появившиеся в степях Украины в кон. IV в. Преследуя готов, гунны дошли к Дунаю, а в нач. V в. осели в Паннонии. В результате гуннского нашествия в степях Украины началась постепенная замена ираноязычного населения тюркоязычным. На территории Восточной Украины лишь отдельные вещи могут быть датированы гуннским временем, т. е. вт. пол. IV–пер. пол. V вв. С территории Харьковщины известны двуштитковая бронзовая фибула [18] и два кинжала, один из которых случайно найден в 2006 г. у с. Аксютовка [15, с. 51]. Стойбища и кочевья гуннов на землях Змиевщины пока не выявлены [18, с. 10]. В лесостепной части Змиевщины черняховские (гото-сарматские) древности были заменены славянскими (пеньковскими).

Благодаря падению Готского королевства

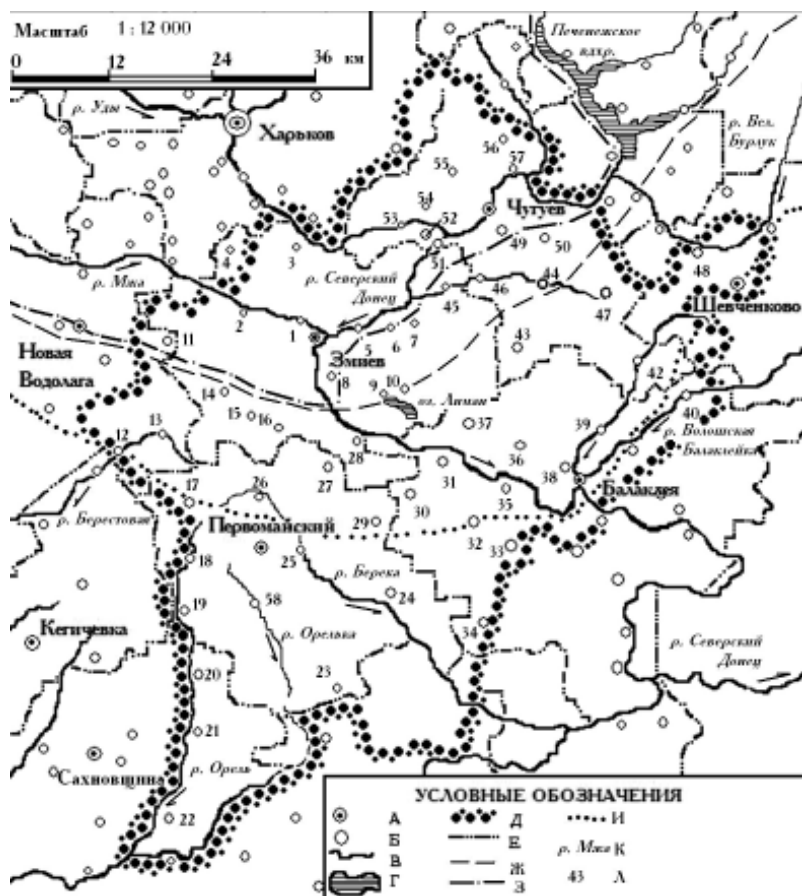

Рис. 1. Территория исторической Змиевщины с указанием границы лесостепной зоны:

А – реки; Б – современные населённые пункты; В – реки;

Г – водоёмы; Д – границы исторической Змиевщины (Змиевский уезд в максимально широких пределах, 1864–1919 гг.); Е – границы современных районов; Ж – граница южного распространения Лесостепи в сер. XX в. (по И. И. Ляпушкину и А. М. Обломскому); З – современная граница южного распространения Лесостепи; И – граница южного распространения Лесостепи в раннем железном веке и средневековье (по Ф. И. Милькову и Б. А. Шрамко); К – названия водных объектов; Л – шифр названия современных населённых пунктов.

Германариха и характеру сельскохозяйственного хозяйства, славянские племена антов (носителей пеньковской археологической культуры) сумели довольно быстро, на

протяжении V в., освоить территории пограничья Степи и Лесостепи и даже проникнуть вглубь степных просторов Украины [49, с. 30–35; 45, с. 37–45]. В это же время происходит активная ассимиляция славянами остатков ираноязычного (позднескифского и сарматского) этнического компонента. Подтверждением тому служит характер пеньковских древностей [4, с. 111–123; 47, с. 4–14; 54, с. 81].

Период V–VII вв. отмечен в истории славян не только завершением процессов формирования их этнического самоутверждения и созданием больших славянских племенных союзов. В это время начинается Великое расселение, достигнувшее на северо-востоке Волги, на юге – глубинных районов Балканского полуострова, а на западе, в междуречье Одера и Эльбы, – балтийского побережья. В сер. VII в. начинается перемещение больших этнических массивов на Днепровское Левобережье. Независимо от того, были ли переселившиеся сюда этнические группы склавинами из региона распространения пражско-корчакских древностей [26, с. 260; 39, с. 41, 42; 76, с. 96–97], или их следует связывать с носителями именьковской культуры [60, с. 127–134; 66], это привело к формированию населения волынцевской культуры. Последняя стала основой роменской культуры, которую однозначно следует связывать с летописными северянами.

Характерной особенностью этнокультурного развития Змиевщины вт. пол. VII–нач. VIII вв. является образование какой-то новой археологической культуры, а возможно и этноса. По словам М. В. Любичева, сахновские памятники (селища Введенка, Сухая Гомольша, Соколово I) «отражают движение переселенцев с Днепровского Правобережья, их переплетение с местными (колочинско-пеньковскими) элементами. ...на определённом участке Днепро-Донецкого междуречья формируется волынцевский культурно-исторический горизонт, а восточнее его ареала, на Донце, памятников с характерной волынцевской керамикой пока не обнаружено» [48, с. 18]. Помимо этого, на

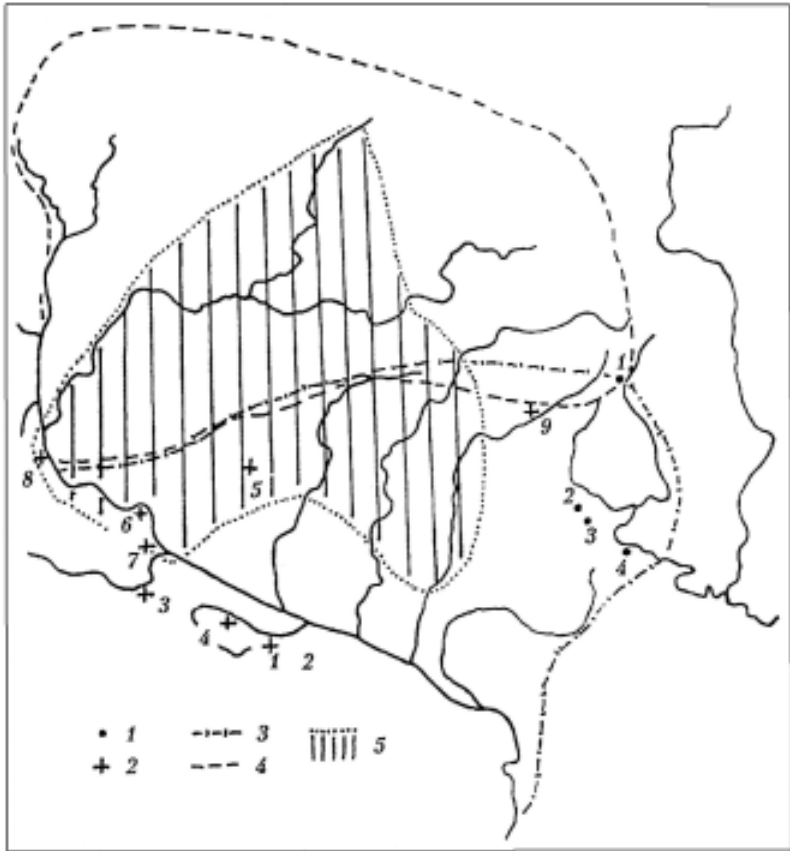

Рис. 2. Элементы этнокультурной ситуации в Днепро-Донецкой лесостепи втор. пол. VII–VIII вв.:

- 1 – сахновские памятники на Северском Донце:
- 1 – Шоссейное; 2 – Таранцево (Тимченки); 3 – Соколово;
- 4 – Сухая Гомольша (раскоп МС-85).
- 2 – сахновские памятники западнее Северского Донца: 1 – Луг I; 2 – Луг II; 3 – Сахновка; 4 – Стецовка; 5 – Хитцы (жилища 1, 10, 12); 6 – Монастырёк; 7 – Канев; 8 – Ходосовка; 9 – Рябовка.
- 3 – ареал пеньковской культуры.
- 4 – ареал колочинской культуры.
- 5 – ареал волынцевского типа памятников.

Источник: Любичев М. В. Памятники типа Сахновки на Северском Донце // М. В. Любичев // Вісник Харківського університету. – 2002. – № 566 : Історія. – Вип. 34. – С. 21.

Сухогомольшанском могильнике имеются кремации с широтной ориентировкой могильных ям по линии восток – запад. Такая ориентация характерна для урн в захоронениях волынцевской культуры, но только без предметов вооружения и снаряжения коня, как это имеет место в данном случае [3, с. 16].

При этом отмечен факт вживания славян-пеньковцев в среду Северо-Западной Хазарии [46, с. 96]. Данное явление рассмотрел в одной из своих работ В. С. Аксёнов. Исследователь поясняет, что начавшийся ещё в трет. четв. I тыс. н. э. процесс проникновения в славянскую среду (пеньковская культура) выходцев из степного тюркоязычного населения (с последующей их ассимиляцией) продолжился в кон. VII или нач. VIII в. в связи с оттоком из степи в лесостепные районы Днепровского Левобережья отдельных болгарских родов (после разгрома Великой Болгарии Кубрата хазарами). Расселившись здесь компактной группой среди славян, также вынужденных сопротивляться хазарской экспансии, болгары становятся своего рода консолидирующим элементом северянского окружения, материальным свидетельством чего является мощный культурный импульс, который наиболее выразительно проявился в волынцевских древностях. С распространением, пусть даже номинальной, власти хазар на пограничные со степью районы Днепровского лесостепного Левобережья, что выразилось в выплате дани хазарам тремя славянскими племенными объединениями, население данного региона, представленное славянами, болгарами, сармато-аланами, уграми, принимает участие в формировании салтово-маяцкой археологической культуры Подонья. Пример такого культурного симбиоза мы и видим, по мнению В. С. Аксёнова, в рассматриваемых славянских захоронениях салтовского Сухогомольшанского могильника [2, с. 77].

Преобладание среди рассматриваемых предметов вещей, связанных с женским костюмом, указывает путь попадания их в салтовскую среду через брачные

Рис. 3. Этнокультурная ситуация в Днепро-Донецком междуречье VII–нач. VIII вв.:

- – ареал пеньковской культуры;
- – ареал волынцевской культуры;
- – ареал салтовской культуры;

● памятники, на которых отмечены салтово-пеньковские контакты или позднепеньковские памятники: 1, 2 – Нижний Бишкин; 1, 2, 3 – Сухая Гомольша; 4 – Соколово; 5 – Пятницкое; 6 – Тимченки; 7 – Шоссейное; 8 – Дмитриевский могильник; 9 – Богородичное (жилище 2, яма 24).

■ Салтовские могильники и отдельные погребения по обряду трупосожжения: 1 – Сухая Гомольша; 2 – Новопокровка; 3 – Тополи; 4 – Кочеток.

▲ Салтовские поселения в глубине волынцевского ареала: 1 – Вовки; 2 – Белоконы; 3 – Лаврики; 4 – Чередники.

✚ Юртообразные сооружения кочевников на пеньковских и волынцевских поселениях: 1 – Чернеччина; 2 – Богатое; 3 – Осиповка; 4 – Битица.

Источник: Любичев М. В. Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII – начале VIII вв. / М. В. Любичев / Древности 1994. – X., 1994. – С. 89.

отношения. Пришедшие в нач. VIII в. в верхнее Подонцовье аланы и праболгары, вероятно, в большинстве своем неженатые молодые мужчины, брали себе в жёны представительниц местного населения. Присутствие же среди рассматриваемых вещей предметов, связанных с экипировкой коня воина-всадника (ворворка из погребения № 54, начальник из погребения № 175 могильника Сухая Гомольша), позволяет предположить нахождение в составе салтовских воинских отрядов выходцев из местной среды (волынцевцев-славян, болгар, сармато-алан). Присутствие же в войске хазарского кагана славянских вооружённых отрядов подтверждается данными письменных источников [2, с. 77].

Исследования последних лет позволяют говорить о том, что люди, проживавшие на Змиевщине, относились к разным народам: славянам (пеньковцам и колочинцам), тюркам (болгарам и хазарам), иранцам (аланам и ясам-асам), финно-уграм (уграм и буртасам) [3, с. 20; 33, с. 93]. В пер. пол. VIII в. сложились условия для широких контактов различных этнических групп, приведших к созданию в рамках салтово-маяцкой культуры нового этнического образования. В кон. VII в. хазары разгромили Великую Болгарию, что вынудило болгарские роды и семьи откочевать на север, в т. ч. на территорию Змиевщины. Всё это проходило в условиях аридизации причерноморских степей. Уровень общественного развития и хозяйственно-культурный тип пришлых болгар был близок подчинённому населению славян-земледельцев, что и дало возможность слияния данных народов в новое этническое образование. Часть болгар, смешавшись с земледельцами лесостепи, осела, часть – вернулась к кочевому или полукочевому состоянию [5, с. 185–186]. А. А. Тортика считает, что «когда оседание кочевников действительно зафиксировано археологически, осёдлость имела вынужденный характер, а масштабы её были незначительны» [73, с. 78].

Новая переселенческая волна из степных районов на север в лесостепь связана с окончанием арабо-хазарских

войн на Кавказе и переключением внимания хазар с районов Закавказья на лесостепные просторы Днепро-Донецкого междуречья. Именно в это время, после 737 г., в бассейне Северского Донца появляются племена алан – носителей салтовского катакомбного погребального обряда. Вместе с ними на Змиевщину возвращаются осёдлые и полуосёдлые болгаро-славяне, которым принадлежат ингумации с восточной ориентировкой [5, с. 186].

Также увеличивается приток славян в Днепро-Донское междуречье. По словам А. В. Григорьева, в нач. IX в. не только резко возрастает количество населения на Днепровском Левобережье, но и происходят заметные изменения в его материальной культуре. Причём коснулись эти перемены не только вновь освоенных территорий, но и земель освоенных славянами в предшествующее столетие. Можно предполагать, что в нач. IX в. новая мощная волна славянских переселенцев заполнила всю территорию от Днепра до Дона. Характер украшений позволяет предполагать, что новые поселенцы, так же как и первые, происходили из районов Подунавья. Близость ряда черт материальной культуры говорит об их близости к ранним славянам, пересекшим в VIII в. Днепр [16, с. 100].

В дореволюционной и советской историографии усиленно развивалась теория враждебного противостояния между славянским населением и носителями салтово-маяцкой культуры. Однако, в свете последних археологических исследований, данная теория нуждается в значительной коррекции. Как убедительно показали работы ряда учёных [38, с. 72–81; 53, с. 43–50; 69, с. 117–165], на территории Змиевщины салтово-маяцкие и славянские (пеньковские, роменские) древности сосуществовали на протяжении 300 лет. Сосуществование это носило чересполосный, а иногда и совместный характер.

Как пишет В. В. Колода: «Раскопки последних лет на ... Мохначанском и Водяновском городищах дают возможность утверждать не только о сосуществовании славян, алан и тюркоязычных степных народов, в том

числе и хазар, на одном поселении, но и о более глубоких взаимоотношениях» [38, с. 72–73].

Ввиду вышесказанного, можем предположить, что в результате сосуществования на одной территории и оказания взаимного влияния к X в. на Змиевщине начал образовываться смешанный этнос [33, с. 95]. Компонентами его были славяне-пеньковцы, северяне, аланы, угры и болгары. Наиболее яркой иллюстрацией этнического синкретизма является жилище, обнаруженное в 2003 г. экспедицией ХНПУ им. Г. С. Сковороды на селище Коробовы Хутора. В раскопе-4 был открыт комплекс № 1, являвшийся жилищем. Оно представляло собой кочевническую юрту, но приспособленную к долговременной жизни. В самой юрте археологи нашли фрагменты от двух гончарных сосудов салтовских по форме и технологии, но имевших кроме собственно салтовских ещё и роменские украшения (зубчатый «верёвочный» штамп). Отопительное устройство данного жилища сочетало три различных этнических признака: славянский – встроенная ниша, приподнятое относительно пола положение, тюрко-болгарский – ниша, открытый очаг, аланский – использование камня. По мнению В. В. Колоды, сказанное свидетельствует о присутствии степного кочевнического этнического компонента (тюрко-болгарского, возможно, угорского), равно как и славянского в среде преимущественно аланского населения селища Коробовы Хутора [14, с. 343; 35, с. 125–135]. По словам исследователя, на сегодняшний день косвенными свидетельствами, отражающими кочевое или бывшее кочевое состояние отдельных групп населения в лесостепной среде расселения являются:

- юрты и юртообразные жилища с их интерьером (в т. ч. и отопительным устройством в виде разнообразных, расположенных по центру очагов);
- планировка жилищно-хозяйственного комплекса в целом (прежде всего, куренная планировка, наличие открытых очагов в пределах усадьбы);
- орудия труда, связанные с переработкой

скотоводческой продукции, и предмет быта (главным образом, лепная керамика: горшки и котлы с внутренними ручками-ушками) [30, с. 47].

Мысль об образовании в Подонцовье нового этноса высказывает также А. А. Тортика: «Регион был населён полиэтничными родоплеменными группами нехазарского происхождения – алано-болгарами, которые, благодаря общности исторических судеб и территории, проявляют тенденцию к этнополитической консолидации, идут путём слияния в единый этнос» [74, с. 29].

Предположения археологов и историков о формировании на Змиевщине новых этнокультурных общностей (во вт. пол. VII–нач. VIII вв. и в IX–X вв.) вполне соответствуют теории этногенеза, выдвинутой Л. Н. Гумилёвым. Учёный выделял несколько условий, необходимых для образования нового этноса:

- сочетание двух и более ландшафтов;
- взаимодействие нескольких этносов;
- комплиментарность (взаимная приязнь) этносов,

принимающих участие в сложении новой этнической общности [21, с. 191–194, 289, 340].

Как известно, Змиевской регион Слободской Украины расположен на границе двух природно-климатических ландшафтных зон: Степи и Лесостепи. Практически все исследователи отмечали, что по устройству поверхности своей Змиевской край представляет из себя равнину, перерезанную в некоторых местах невысокими возвышенностями, которые скорее могут быть названы холмами, нежели горами. К югу рельеф становится более сглаженным [8, с. 1; 43, с. 5; 11, с. 18]. Идеи Л. Н. Гумилёва, высказанные в работе «Этногенез и биосфера Земли» не новы. Ещё И. Г. Гердер утверждал «Люди – это послушная глина в руках климата (природной среды вообще)» [42, с. 113].

О взаимодействии и взаимовлиянии этносов, населявших в раннем средневековье Змиевщину, говорят данные археологии. Влияние салтово-маяцкой культуры на окружающий славянский мир является доказанным научным фактом. Так, например, славяне заимствовали

фортификационные навыки и приёмы гончарного производства. Однако следует отметить, что славяне, в свою очередь, также влияли на салтовское население края. Это влияние отчётливо прослеживается в сфере домостроительства. В сер. X в. в бассейне Северского Донца сочетаются славяно-тюрко-аланские черты фортификации, домостроительства, керамического производства, а также земледелия [33, с. 94; 38, с. 74–75, 78–79]. По мнению А. А. Лаптева, наличие, по крайней мере, в части салтовских комплексов славянских сосудов позволяет говорить о проникновении в аланские общины славянского населения, принёсшего с собой свои обряды и проводившего их на катакомбных могильниках. Количеством такого населения, инфильтрованного в салтовскую среду, определялась распространённость тризн смешанного типа [44, с. 48]. В. С. Аксёнов об этом говорит следующим образом: «обнаружение в закрытых салтовских комплексах вт. пол. VIII нач. IX вв. вещей славянского круга, подтверждает тезис о симбиозе в бассейне Северского Донца местного населения (славян и сармато-алан) с представителями пришлых этносов (аланами и праболгарами). Вместе они и создали такое яркое явление как салтово-маяцкая археологическая культура [2, с. 77]. Т. е. начинает формироваться новая материальная культура, общая для всего населения региона.

Таким образом, мирное сосуществование и взаимная комплиментарность славянского и разноэтничного салтовского населения подтверждается археологическими исследованиями [80, с. 113].

В пользу комплиментарности славянского и иранского населения края свидетельствует также сходство черт духовной культуры. Так, Д. М. Дудко говорит следующее: «Есть основания считать, что славяне и сармато-аланы, общаясь на протяжении полутора тысячелетий, заимствовали друг у друга немаловажные элементы религиозно-мифологического мировоззрения» [25, с. 44]. Действительно, многие черты славянской мифологии и богосвещания имеют иранские (скифо-сармато-аланские)

корни. В связи с Мохначанским святилищем открытым остаётся вопрос о параллелях в устройстве жертвенников, культовых статуэтках и обряде жертвоприношений северян и ираноязычных носителей скифской лесостепной культуры, отождествляемых с меланхленами [28, с. 51; 52, с. 98; 68, с. 26–30; 81, с. 265]. В своей отдельной работе мы уже высказали предположение, что черты роменской культуры северян, схожие с чертами лесостепной культуры меланхленов, являются не чем иным, как рефлексамии последней [29, с. 48–54].

Помимо этого, В. В. Цимиданов установил, что красный цвет, так широко применявшийся в украинских обрядах, является, вероятно, следствием влияния ираноязычных народов на предков украинцев. По мнению исследователя, данные представления украинцев о красном цвете восходят, скорее всего, ещё к бронзовому веку [79, с. 71].

На местном материале можно предполагать также, что Змиевской регион был одним из тех, где зарождалась и салтовская культура. В сентябре 2009 г. М. Н. Григорьянц, руководитель археологического кружка Харьковской гимназии № 116, получил в дар от жителей с. Черкасский Бишкин комплекс из 13 предметов, обнаруженных при выборке песка на острове, в русле Северского Донца и расположенном примерно в центре села. Комплекс состоит из железных предметов конской упряжи (пара восьмёркообразных стремян, удила с четырьмя парными кольцами, удила без колец, четыре пряжки, три отдельных кольца). Сейчас данные предметы хранятся в археологическом музее Харьковской гимназии № 116. М. Н. Григорьянц относит комплекс к вознесенскому горизонту перещепинской культуры [17, с. 17, 20], которую А. В. Комар считает начальным периодом культуры хазар [40, с. 46–64; 41], составной части ранней салтовской археологической культурной общности [17, с. 22].

Заметим, что С. А. Плетнёва [57, с. 184–186], А. А. Тортика [74, с. 30–31] и Г. Е. Афанасьев [7, с. 151] основой салтово-маяцкой культуры считают сармато-аланскую

культуру. Хотя в контексте нашей работы это особо ничего не меняет, поскольку Змиевской регион также был ареалом последней. И опять-таки ираноязычные сарматоаланы смешивались с местным славянским (пеньковским) населением, о чём ярко свидетельствует погребение «мохначанской принцессы» [4].

Таким образом, археологами и историками накоплен богатый фактический материал, свидетельствующей об общих чертах духовной и материальной культуры населения Змиевского региона. На наш взгляд предположения М. В. Любичева, В. В. Колоды, В. К. Михеева, А. А. Тортики и В. С. Аксёнова о формировании на Змиевщине новых археологических культур, а возможно, и этносов укладываются в рамки теории Л. Н. Гумилёва «Этногенез и биосфера Земли» [21].

С точки зрения общепринятой теории этногенеза приоритет в определении этнической принадлежности отдаётся языку. В современной науке господствует формула И. В. Сталина: *Нация – это историческая общность людей, сложившаяся в процессе формирования общности её территории, экономических связей, литературного языка, некоторых особенностей психического склада, культуры, характера* [42, с. 8–9]. Сравните, современные определения: *«Этнос – исторически сложившаяся группа людей, обладающих общим самосознанием и самоназванием (этнонимом), общностью происхождения и культуры (чаще языка)...»* [86, с. 312–313]. *«Нация, историческая общность людей, основанная на общности территории, исторических, экономических и политических связей, литературного языка и др. особенностей культуры...»* [56, с. 353]. Но и в этом случае мы вправе рассматривать Подонцовье в качестве территории зарождения нового этноса, т. к. по свидетельству Ал-Бекри *«главнейшие из племён севера [Хазарии] говорят по-славянски»* [64, с. 132]. Т. е. мы имеем ещё один консолидирующий фактор – язык.

Здесь важно подчеркнуть, что взаимное влияние этносов, проживавших в период раннего средневековья на территории Змиевского региона, отмечается и на

языковом материале. Так, в славянском лексическом фонде содержится ряд тюркизмов:

*барань < тюркск. < ср.-иран. *baran «баран, овца»;

*чекань, чакань < тюрк. saċan «боевой топор»;

*хъмель «хмель» < тюркск. (ср. чуваш. xamla, венг. komlo < др.-болг., башк. ?омала? «хмель»). Хотя «Этимологический словарь славянских языков» настаивает на иранском происхождении этого слова;

*клобоукъ «шляпа» (рус. клобук) < тюркск. kalpak;

*коргоуй «ястреб-перепелятник» < тюркск. karguq, karguj < перс. kargas?;

*слонь < тюркск. arslan «лев». По народной этимологии было сближено со словом *sloniti «опираться»;

*товарь < уйг. tavar «имущество, скот»;

*тьлмачь «переводчик» (рус. толмач) < тюркск. (ср. кыпч. tylmac, каз. tilmas, южноалт. tilmac, тур. dilmac, уйг. tilmazi) [82, с. 155 158; 83, с. 141 145; 84, с. 61 62; 85, с. 68 69; 87, с. 558]. Скорее всего, большая часть приведённых здесь тюркизмов вошла в славянский язык именно в период раннего средневековья.

Обе теории этногенеза предполагают, что этносу присущи общность психики (менталитета, стереотипа поведения) и осознание своего единства. Об этносе мы вправе говорить тогда, когда у какой-то общности людей появляются чёткие различия «свой» – «чужой». Было ли понимание такого различия у того синкретического этноса, остатки материальной культуры которого фиксируют на Змиевщине археологи? Вероятно, да. И вот почему. По словам А. А. Тортики, после распада Хазарского каганата жизнь на салтовских поселениях Подонцовья прекращается. При этом отсутствуют следы погромов [72, с. 145]. По-видимому, мы можем говорить об уходе местного населения. Так С. А. Плетнёва пишет, что часть населения региона после печенежского нашествия возвращается к кочевому образу жизни, другая часть населения отошла в южные регионы каганата [58, с. 14]. К кочевому образу жизни вернулись племена болгар. В южные регионы каганата переселяются аланы, которые (вероятно в большинстве

своём, но не все) возвращаются на Кавказ. Т. е. каждый из этих этносов уходит к тем, кого считают «своими». Что касается предполагаемого синкретического этноса, то, по мнению В. В. Колоды, его представители уходят в Поднепровье, под защиту Русского государства [39, с. 80]. Почему? По той причине, что из всех возможных вариантов только русичи (русины, если говорить точно) воспринимаются как «свои». Причиной тому языковая принадлежность этих «этнических новинок» – они, как и «главнейшие племена севера» Хазарии, говорили по-славянски.

Таким образом, предположения археологов о возможности формирования в Подонцовье нового синкретического этноса выглядят весьма убедительно. Эту точку зрения поддерживала ещё С. А. Плетнёва, которая высказала мысль, что в бассейне Северского Донца открыт новый этнос, «ранее нам не известный или «неосознанный», который необходимо вписать в сложившуюся и казавшуюся вполне завершённой картину жизни Северо-Западной Хазарии» [59, с. 83]. Сегодня стоит вопрос: что и от какого этноса было привнесено в эту общую синкретическую культуру? [30, с. 45].

После падения Хазарского каганата процессы этногенеза на территории региона прекращаются. Он был прерван падением Хазарии и вторжением печенегов, а позднее – половцев. А. А. Тортика поясняет это тем, что «алано-болгары Подонцовья существовали как этнокультурная и социально-политическая общность только в рамках хазарского владычества и хазарской государственности» [74, с. 38]. После массового ухода алан во 2-й пол. X в доминирование в регионе перешло к славянам северянского племенного союза, в этническое сообщество которых были инкорпорированы и остатки полиэтнического населения салтовской культуры [80, с. 114].

В рамках Русского государства произошло формирование древнерусской народности. По нашему мнению, попытки отрицания древнерусской народности, как промежуточного звена между восточнославянскими племенными союзами и украинцами, следует считать

заведомо спекулятивными и обусловленными политической конъюнктурой первых лет независимости Украины. В специальной монографии «Древнерусская народность: воображаемая или реальная» П. П. Толочко на основании комплексного изучения источников и историографии вопроса пришёл к выводу о существовании в X–XIII вв. единой древнерусской этнокультурной и социальной общности, вполне отвечающей понятию народности [70]. обстоятельно система аргументации приведена исследователем несколько ранее, в книге «Киевская Русь» [77, с 39]. Эту точку зрения поддерживал также В. В. Седов. Восточнославянские племена, упоминание о которых содержится в «Повести временных лет», учёный называет «единым этноязыковым образованием, именуемым русью» [67, с. 525, 525–531]. Подтверждается данная точка зрения и лингвистическими исследованиями О. Н. Трубочёва [75].

Подытожив вышесказанное, правомерно сделать вывод о непрерывности и преемственности этнокультурных и этногенетических процессов, протекавших на Змиевщине в эпоху раннего средневековья (сер. V–сер. XI вв.). При этом Змиевской регион Слободской Украины представляет собой особую зону, на территории которой на протяжении вт. пол. VII–X вв. происходило образование новых этносов. Поэтому следует рассматривать Змиевщину как особый историко-этнографический регион. Естественно, сказанное является лишь гипотезой, но, без сомнения, данный вопрос требует дальнейшего всестороннего изучения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. З «Книги дорогоцінних скарбів» Абу-Алі Ахмеда ібн-Омар ібн-Дада // Історія України в документах і матеріалах. – К., 1939. – Т. 1. Київська Русь і феодальні князівства XII–XIII ст. – С. 69.

2. Аксёнов В. С. Вещи славянского облика на салтовских памятниках Верхнего Подонечья / В. С. Аксёнов // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки : Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). – СПб., 2010. – С. 73–78.

3. Аксёнов В. С. Об этнической неоднородности кремаций VIII–первой половины X вв. Подонцовья (по материалам Сухогомольшанского могильника салтовской культуры) / В. С. Аксёнов // Хазарский альманах. – К.; Х., 2004. – Т. 3. – С. 5–24.
4. Аксёнов В. С. Погребение VI–VII веков н. э. у села Мохнач / В. С. Аксёнов, Л. И. Бабенко // Российская археология. – 1998. – № 3. – С. 111–122.
5. Аксёнов В. С. Сухогомольшанский могильник VIII–X вв. / В. С. Аксёнов, В. К. Михеев // Хазарский альманах. – К.; Х., 2006. – Т. 5.
6. Артамонов М. И. История хазар / М. И. Артамонов. – Л., 1962.
7. Афанасьев А. Г. Донские аланы : Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона / А. Г. Афанасьев. – М., 1993.
8. Багалей Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства / Д. И. Багалей. – М., 1887.
9. Бубенюк О. Б. Етнічний та релігійний склад аланського населення Хозарського каганату в VIII–X ст. / О. Б. Бубенюк // Хазарский альманах. – М., 2005. – Т. 4. – С. 129–157.
10. Бубенюк О. Б. Кто обитал в Сухой Гомольше в хазарское время? // О. Б. Бубенюк, В. С. Аксёнов // Хазарский альманах. – К.; Х., 2009. – Т. 8. – С. 103–145.
11. Виленкин В. Л. Основные черты рельефа Харьковской области / В. Л. Виленкин, М. А. Демченко // Материалы Харьковского отдела Географического общества Украины. – 1971. – Вып. VIII. Харьковская область: природа и хозяйство.
12. Войтович Л. В. Київський каганат (до полеміки П. Толочка з О. Пріцаком) / Л. В. Войтович // Хазарский альманах. – М., 2005. – Т. 4. – С. 109–117.
13. Головки О. Б. Хазарія і печеніги в процесі становлення державності у слов'ян Східної Європи (VIII–XI ст.) / О. Б. Головки // Хазарский альманах. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 19–33.
14. Горбаненко С. А. Палеозтботанический спектр салтовского селища Коробовы Хутора / С. А. Горбаненко, В. В. Колода, Г. А. Пашкевич // Древности 2010. – Х., 2010. – С. 343–349.
15. Григор'янци М. М. Перші знахідки кинджалів гунської доби із водозбору Сіверського Дінця / М. М. Григор'янци, В. В. Дідик // Харьковский археологический сборник. – 2009. – Вып. 4. – С. 49–60.
16. Григорьев А. В. О «второй волне» славянской колонизации междуречья Днепра и Дона (к постановке проблемы) / А. В. Григорьев // Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы Международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (3 5 декабря 2012 г., Санкт-Петербург). – СПб., 2012. – С. 99–100.
17. Григорьянц М. Н. Древности перещепинской культуры на Харьковщине и начальный период хазар / М. Н. Григорьянц, А. А. Желтобрюх // Харьковский историко-археологический сборник. – 2011. Вып. 9. – С. 12–23.
18. Григорьянц М. Н. Находка гунского времени на Харьковщине / М. Н.

- Змиевской регион Слободской Украины как территория... Коловрат Ю. А.
Григорьянц, Б. Г. Бейдин // Харьковский историко-археологический сборник. – 2011. Вып. 9. – С. 4–11.
19. Грушевський М. С. Історія України-Руси : В 11 т., 12 кн. / М. С. Грушевський; під ред. П. С. Соханя. – К., 1991. – Т. 1. До початку XI віку.
20. Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилёв. – М., 2008.
21. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилёв. – М., 2008.
22. Дудко Д. М. Иранские (скифо-сармато-аланские) элементы в славянском образе Великой Богини / Д. М. Дудко // Харьковский историко-археологический сборник. – 2012. – Вып. 10. – С. 44–58.
23. Дудко Д. М. Иранские элементы в славянском язычестве (история изучения) / Д. М. Дудко // Археология Славянского Юго-Востока. – Воронеж, 1991. – С. 3–10.
24. Дудко Д. М. Погребальный обряд знатных руссов: этноисторические и мифологические корни / Д. М. Дудко // Хазарский альманах. – М., 2005. – Т. 4. – С. 158–168.
25. Дудко Д. М. Славяне и сармато-аланы: взаимовлияние в религиозно-мифологической сфере / Д. М. Дудко // Хазарский альманах. – М.; Иерусалим, 2004. – Т. 2. – С. 34–46.
26. Етнічна та етнокультурна історія України : У 3 т. / В. Д. Баран, Л. Л. Залізник, В. М. Зубар та ін. – К., 2005. – Т. 1.
27. Змиевский (Змиевской) уезд // Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа : http://ru.wikipedia.org/wiki/Змиевской_уезд. – Доступ 21. 02. 2013 г.
28. Коловрат Ю. А. Змиево городище : Краткий краеведческий очерк / Ю. А. Коловрат. – Изд. 3-е, исп. и доп. – Змиев, 2009.
29. Коловрат Ю. А. Скифская Змиевщина. Лесостепная археологическая культура (сер. VII–III вв. до н. э.) / Ю. А. Коловрат. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Змиев, 2011.
30. Колода В. В. Болгары в материальной культуре поселений салтовской лесостепи: проблемы выделения этнических критериев / В. В. Колода // Дриновський збірник. – Х.; Софія, 2012. – Т. V. – С. 42–48.
31. Колода В. В. Влияние хазаро-арабо-византийски отношений на контакты славян Руси с населением Хазарии / В. В. Колода // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. – Ростов-на-Дону, 2009. – С. 232–240.
32. Колода В. В. Житло із жертвником на Мохначанському городищі / В. В. Колода // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2001. – Ч. 1. – С. 42–46.
33. Колода В. В. Новые данные о контактах славян-руси и населения Хазарского каганата в свете хазаро-арабо-византийских отношений / В. В. Колода // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века : Материалы XII Международной конференции (26 мая – 31 мая 2007 г.) – Р.-н.-Д., 2007. – С. 92–95.
34. Колода В. В. Новые материалы к проблеме оседания средневековых кочевников: критерии выделения и подходы к решению (на примере исследований городища Мохнач) / В. В. Колода // Хазарский альманах. – М., 2005. – Т. 4. – С. 216–233.

35. Колода В. В. О проявлении этнического синкретизма в среде лесостепного салтовского населения (на примере материалов раскопа-4 селища Коробовы Хутора) / В. В. Колода // Древности 2006–2008. – Х., 2008. – С. 125–135.

36. Колода В. В. Розвиток слов'яно-хозарських стосунків на Дніпровському Лівобережжі / В. В. Колода // Український історичний портал. – Режим доступу : <http://www.history.com.ua/review/2006/n1-2006/r1/koloda.shtml>. – Доступ 22. 02. 2010 р.

37. Колода В. В. Славяно-кочевнические отношения сквозь призму планиграфии городищ контактной зоны Днепра – Северского Донца (возможности пространственно-временного анализа) / В. В. Колода // Матеріальна та духовна культура Південної Русі. Матеріали Міжнародного польового семінару, присвяченому 100-літтю від дня народження В. Й. Довженка (Чернігів – Шестовиця, 16–19 липня 2009 р.). – К.; Чернігів, 2012. – С. 171–178.

38. Колода В. В. Слов'яно-хозарські відносини крізь призму нових археологічних даних з басейну Сіверського Дінця / В. В. Колода // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2005. – № 1 – 2. – С. 72–81.

39. Колода В. В. Чёрная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н. э. / В. В. Колода. – Х., 1999.

40. Комар А. В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем в истории и культуры кочевников Восточной Европы VII–нач. VIII вв. / А. В. Комар // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2006. – Т. 5. – С. 7–244.

41. Комар А. В. Ранние хазары в Северном Причерноморье (постановка проблемы) / А. В. Комар // Восточноевропейский археологический журнал. – № 3 (4). – Май–июнь 2000. – Режим доступа : <http://archaeology.kiev.ua/journal/030500/komar.htm>. – Доступ 10. 02. 2013 г.

42. Кононенко П. П. Національна ідея, нація, націоналізм : Монографія / П. П. Кононенко. – К., 2006.

43. Краснов А. Н. Рельеф, растительность и почвы Харьковской губернии : Доклады Харьковскому Обществу Сельского Хозяйства / А. Н. Краснов. – Х., 1893.

44. Лаптев А. А. Тризны в культурном слое салтовских катакомбных могильников / А. А. Лаптев // Салтово-маяцька археологічна культура. 110 років вивчення на Харківщині. – Х., 2011. – С. 43–49.

45. Любичев М. В. Земледелие славян Днепро-Донецкого междуречья в третьей четверти I тыс. н. э. / М. В. Любичев // Вісник харківського університету. – 1997. – № 396 : Історія. – Вип. 29. – С. 37–45.

46. Любичев М. В. Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII–начале VIII вв. / М. В. Любичев // Древности 1994. – Х., 1994. – С. 87–100.

47. Любичев М. В. Об одной группе сакральных памятников поселений верхнего течения Северского Донца раннего средневековья / М. В. Любичев // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2001. – № 526 : Історія. – Вип. 33. – С. 4–14.

48. Любичев М. В. Памятники типа Сахновки на Северском Донце / М. В.

- Змиевской регион Слободской Украины как территория... Коловрат Ю. А.
Любичев // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна.
– 2002. – № 566 : Історія. – Вип. 34. – С. 13–27.
49. Любичев М. В. Раннеславянское селище на Северском Донце / М. В. Любичев // Вестник Харьковского университета. – 1993. – № 374 : История. – Вып. 27. – С. 30–35.
50. Любичев М. В. Салтово-сахновские контакты в свете материалов поселения Нижний Бишкин 2 на Северском Донце / М. В. Любичев // Хазарский альманах. – К.; Х., 2004. – Т. 3. – С. 277–296.
51. Любичев М. В. Черняховская культура Днепро-Донецкой лесостепи: История исследования и основные проблемы изучения. Монография / М. В. Любичев. – Х., 2000.
52. Міхеев В. К. Археологія залізного віку Східної Європи / В. К. Міхеев, Б. А. Шрамко. – Х., 2000.
53. Михеев В. К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья в VIII–X вв. (Часть 1) / В. К. Михеев // Археология Славянского Юго-Востока. – Воронеж, 1991. – С. 43–50.
54. Міхеев В. К. Пеньківське поселення на Сіверському Дінці / В. К. Міхеев, О. М. Приходнюк // Археологія. – 1986. – № 54. – С. 75–81.
55. Найман А. Я. Евреи в Хазарском каганате / А. Я. Найман // Хазарский альманах. – Х., 2002. – Т. 1. – С. 94–109.
56. Нация // Современная украинская энциклопедия : В 16 т. – Х., 2005. – Т. 9. – С. 353.
57. Плетнёва С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / С. А. Плетнёва. – М., 1967.
58. Плетнёва С. А. Половцы / С. А. Плетнёва. – М., 1990.
59. Плетнёва С. А. Хазарские проблемы в археологии / С. А. Плетнёва // Советская археология. – 1990. – № 2.
60. Приходнюк О. М. Відносини слов'ян із тюркомовним світом / О. М. Приходнюк // Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України : 36. наук. праць. – К., 2003. – С. 127–134.
61. Приходнюк О. М. Восточные славяне и степной мир в период становления Хазарского каганата / О. М. Приходнюк // Хазарский альманах. – Х., 2002. – Т. 1. – С. 125–130.
62. Рудич Т. О. Сарматський компонент у складі населення черняхівської культури (за матеріалами антропології) / Т. О. Рудич // Археологія. – 2005. – № 4. – С. 64–73.
63. Рыбаков Б. А. Древние русы / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1953. – Т. XVII. – С. 23–104.
64. Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1953. – Т. XVIII. – С. 128–150.
65. Седов В. В. Древнерусская народность. Анты / В. В. Седов // Возрождение державы. – Режим доступа : http://derzava.com/art_desc.php?aid=154. – Доступ 21. 06. 2008 г.
66. Седов В. В. Славяне в раннем средневековье / В. В. Седов. – М., 1995.
67. Седов В. В. Славяне : Историко-археологическое исследование / В. В. Седов; Институт археологии РАН. – М., 2002.
68. Скирда В. В. Из глубины веков : К истории города Харькова / В. В.

Скирда, Б. П. Зайцев, А. Ф. Парамонов. – Х., 2004.

69. Сухобоков О. В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. : За матеріалами археологічних досліджень 1968 – 1989 рр. / О. В. Сухобоков. – К., 1992.

70. Толочко П. П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная / П. П. Толочко. – СПб., 2005.

71. Толочко П. П. Чи існувала давньоруська народність / П. П. Толочко // Археологія. – 1991. – № 3. – С. 47–57.

72. Тортика А. А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.) / А. А. Тортика. – Х., 2006.

73. Тортіка О. О. Проблема посідання (седентаризації) алано-болгарського населення Дніпро-Донського межиріччя у хозарський час (VIII–X ст.) / О. О. Тортіка // Историчний журнал. – 2007. – № 1. – С. 71–79.

74. Тортіка О. О. Соціально-політична та військова структура населення північно-західної Хозарії / О. О. Тортіка // Вісник Харківської державної академії культури. – Х., 2004. – Вип. 14. – С. 29–40.

75. Трубачёв О. Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси / О. Н. Трубачёв. – Изд. 3-е, доп. – М., 2005.

76. Україна крізь віки : У 15 т. – К., 1998. – Т. 3. Давні слов'яни.

77. Україна крізь віки : У 15 т. – К., 1998. – Т. 4. Київська Русь.

78. Хонигсман Я. С. Евреи Украины (Краткий очерк истории) / Я. С. Хонигсман, А. Я. Найман. – К., 1992. – Ч. 1.

79. Циміданов В. В. Червоний колір в українських обрядах / В. В. Циміданов // Харьковский историко-археологический сборник. – 2010. – Вып. 6. – С. 62–75.

80. Чендев Ю. Г. Природная среда, почвы и архитектурные особенности городища Коробовы Хутора в Харьковской области (проблемы комплексного изучения) / Ю. Г. Чендев, В. В. Колода // Российская археология. – 2012. – № 1. – С. 112–121.

81. Шрамко Б. А. Древности Северского Донца / Б. А. Шрамко. – Х., 1962.

82. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачёва. – М., 1974. – Т. 1.

83. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачёва. – М., 1981. – Т. 8.

84. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачёва. – М., 1983. – Т. 10.

85. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачёва. – М., 1984. – Т. 11.

86. Етнос // Современная украинская энциклопедия : В 16 т. – Х., 2006. – Т. 16. – С. 312–313.

87. Borys W. Słownik etymologiczny języka polskiego / W. Borys. – Krakow, 2005.